

RU

Образ отца в творчестве Юнаса Хассена Кемири

Моркина М. А.

Аннотация. Цель исследования – в современной шведской литературе определить влияние отсутствия проявления силы и мужественности отцом на протагонистов на примере романов Юнаса Хассена Кемири (шв. Jonas Hassen Khemiri). Научная новизна исследования заключается во впервые проведенном комплексном анализе образа отца в творчестве писателя с точки зрения психологии родительства, психоанализа и постколониальных исследований. В статье предпринимается попытка обобщить имеющиеся теоретические знания о влиянии фигуры отца на стратегию поведения подрастающего поколения, а также прослеживается образ отца в четырех произведениях Ю. Х. Кемири: «На красном глазу» (шв. *Ett öga rött*, 2003), «Монтекор: уникальный тигр» (шв. *Montecore: en unik tiger*, 2006), «Всё, чего я не помню» (шв. *Allt jag inte minns*, 2015) и «Отцовский договор» (шв. *Pappaklausulen*, 2018). В результате доказано, что протагонисты на фоне эволюции образа отца – от слабого к отсутствующему – испытывают всё больше сомнений, неуверенности в себе, сложностей в достижении профессиональных целей, проявляют неспособность брать на себя ответственность, повторяя тем самым неудачный сценарий отцовской судьбы.

EN

The image of the father in the creative work of Jonas Hassen Khemiri

Morkina M. A.

Abstract. The study aims to determine how the lack of strength and masculinity manifested by the father impacts the protagonists in modern Swedish literature as exemplified by Jonas Hassen Khemiri's novels. The study is original in that it is the first to carry out a comprehensive analysis of the image of the father in the writer's creative work from the perspective of the psychology of parenthood, psychoanalysis and postcolonial research. The paper attempts to summarise the available theoretical knowledge about the influence of a father figure on the behaviour strategy of the younger generation and also traces the image of the father in J. H. Khemiri's four works 'One Eye Red' (Sw. '*Ett öga rött*', 2003), 'Montecore: The Silence of the Tiger' (Sw. '*Montecore: en unik tiger*', 2006), 'Everything I Don't Remember' (Sw. '*Allt jag inte minns*', 2015) and 'The Family Clause' (Sw. '*Pappaklausulen*', 2018). As a result, it has been proved that against the background of the evolution of the father's image – from weak to absent, the protagonists are experiencing more and more doubt, lack of self-confidence, difficulties in achieving professional goals, show an inability to take responsibility, thereby repeating the unsuccessful scenario of the father's fate.

Введение

Благодаря установленным еще в 1978 г. принципам проводимой Швецией миграционной политики, кратко выраженным в формуле «Равенство. Свобода выбора. Сотрудничество» (шв. *Jämlikhet. Valfrihet. Samverkan*) (Sveriges socialdemokratiska arbetareparti. *Jämlikhet, valfrihet, samverkan: invandrapolitiskt program*. Stockholm: Socialdemokraterna, 1978), страна на протяжении многих десятилетий остается одной из самых привлекательных для миграции. Однако, несмотря на предпринимаемые шведским правительством шаги, направленные на создание толерантного мультикультурного общества, стране не удалось избежать столкновения культур, свойственного практически всем странам, долгое время являвшимся мононациональными и монокультурными, о чем свидетельствуют новостные сводки последних лет. Одной из причин потерянности, влекущей за собой девиантное поведение подростков-мигрантов, нередко негативно фигурирующих в информационном пространстве, может являться отсутствие в их жизни фигуры сильного и реализовавшегося отца: как известно, ситуация вынужденной миграции далеко не всегда содействует достижению профессиональных целей. Кроме того, наблюдающаяся в последнее время тенденция к размытию роли каждого из родителей может повлечь за собой неопределенность в выборе собственной линии поведения у подрастающего

поколения. Материалы предлагаемого вниманию исследования могут способствовать более глубокому пониманию функции и образа отца, что и определяет актуальность работы: современное стремление к смешиванию мужской и женской ролей в процессе воспитания, порицание проявления мужчинами маскулинности, чрезмерная отцовская мягкость по отношению к детям не всегда благоприятствуют их гармоничному развитию и реализации во взрослой жизни, о чем свидетельствуют как истории литературных персонажей, так и истории из практики психологов-консультантов (Зотова, Летучева, 2019, с. 33; Зойя, 2014, с. 10-14).

Проблемы, связанные с адаптацией мигрантов в новом обществе и культуре, нашли отражение не только в средствах массовой информации, но также и в искусстве. На литературной сцене Швеции зажгли звезды таких авторов иностранного происхождения, как Теодор Каллифатидес (р. 1938, шв. *Theodor Kallifatides*), Александр Лейва Венгер (р. 1976, шв. *Alejandro Leiva Wenger*), Юнас Хассен Кемири (р. 1978, шв. *Jonas Hassen Khemiri*), Юханнес Аньюру (р. 1979, шв. *Johannes Anyuru*), Сами Саид (р. 1979, шв. *Sami Said*), Марджанэ Бахтиари (р. 1980, шв. *Marjaneh Bakhtiari*) и др.

Общими для всех вышеупомянутых писателей темами становятся положение мигрантов в принимающем обществе, экономические и психологические проблемы новоприбывших, формирование культурной идентичности протагонистов, исследование родной культуры и т. д., что позволяет, на наш взгляд, говорить о шведской литературе начала XXI в. как о части литературы постколониальной, несмотря на то, что страна никогда длительное время не имела колоний и не вела колонизаторской деятельности (Моркина, 2017, с. 85).

Героями произведений шведских авторов иностранного происхождения, так же как и постколониальных писателей во всем мире, нередко становятся молодые люди или подростки, переживающие сложный период формирования культурной и личностной идентичности. Фигуры родителей играют в этом процессе решающую роль. Примечательно, что многие исследователи постколониальной литературы (Gandhi, 1998; Nayar, 2010; O'Reilly, 2001) концентрируют внимание на влиянии матери на процесс становления младшего поколения, отводя ей роль проводника в мир культуры и традиций, в то время как влияние отца практически игнорируется ими или трактуется негативно, возможно, в угоду соответствующей политической повестке, в которой проявления маскулинности и патриархальности воспринимаются исключительно как черта угнетателя: «Подобная теория постулирует, что “женщина третьего мира” является преимущественно жертвой – забытой жертвой как имперской идеологии, так и местных и иностранных патриархальных обществ» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – М. М.) (англ. *Such theory postulates the ‘third-world-woman’ as victim par excellence – the forgotten casualty of both imperial ideology, and native and foreign patriarchies* (Gandhi, 1998, p. 83)). Женщины представляются дважды угнетенными: «Опыт женщин в империи часто представлял собой двойное угнетение. <...> ...женщинам в колонизированных странах часто приходилось подчиняться как своим колониальным хозяевам, так и патриархальной природе собственных сообществ» (англ. *The experience of women within empire was often of the double oppression. <...> ...colonized women often had to be subservient to both their colonial masters and to the patriarchal nature of the own societies* (O'Reilly, 2001, p. 64)). При этом в каждой культуре есть фигуры, являющиеся носителями мужского и, в частности, отцовского архетипа, что можно увидеть во многих религиях, художественной литературе и фольклоре (Зотова, Летучева, 2019, с. 19, 23). Более того, слабые и отсутствующие отцы вследствие не исполняемой ими запрещающей функции могут являться причиной многочисленных психологических проблем (Зотова, Летучева, 2019, с. 17), ведущих к росту преступности среди т. н. «второго поколения мигрантов».

В настоящей статье предпринимается попытка ответить на вопрос, как влияет отсутствие проявления силы и мужественности отцом на протагонистов современной шведской литературы. Ввиду ограниченного объема статьи для анализа были выбраны четыре романа Ю. Х. Кемири (в ранних переводах встречается написание Хемири. – М. М.) как одного из самых ярких представителей шведской «постколониальной» литературной сцены.

Для достижения указанной цели следует решить ряд задач: во-первых, теоретически осмыслить и разграничить материнское и отцовское влияние на становление самоидентичности индивида с точки зрения психологии родительства, психоанализа и постколониальных исследований; во-вторых, проследить на конкретных примерах эволюцию образа отца в романах Ю. Х. Кемири; в-третьих, определить природу влияния данной трансформации на самоидентичность протагонистов произведений автора.

Для реализации поставленных задач использованы следующие методы исследования: историко-генетический, психоаналитический, герменевтический.

Материалами исследования выступили следующие произведения Ю. Х. Кемири:

Хемири Ю. Х. На красном глазу // Иностранная литература. 2007. № 3. Швеция XXI: новые голоса.

Khemiri J. H. Allt jag inte minns. Stockholm: Bonnier Pocket, 2016a.

Khemiri J. H. Ett öga rött. Stockholm: Bonnier Pocket, 2016b.

Khemiri J. H. Montecore: en unik tiger. Stockholm: Mån-pocket, 2011.

Khemiri J. H. Pappaklausulen. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 2018.

Теоретической базой исследования послужили научные работы, предметом которых является проблема различного влияния материнской и отцовской фигур на становление личности индивида. Так, Ю. Зотова и М. Летучева (2019) одними из первых в России обобщили имеющиеся исследования по психологии отцовства и создали практическое пособие по работе с образом отца для психологов-консультантов. Основатель психоаналитической теории З. Фрейд (2012) определил функцию отца как ограничивающую, необходимую для будущей самостоятельной жизни ребенка. К. Г. Юнг (1997) выделяет разные функции материнской и отцовской фигур: так, мать оберегает отпрыска от внешнего мира, защищает его, отец же отвечает за социальную

адаптацию и вхождение в объективный мир. Э. Фромм (2023) указывает на различную природу материнской и отцовской любви. Л. Зойя (2014), помимо всего вышеуказанного, обратил внимание на важность общественной и профессиональной реализации отца для формирования предпосылок успешной реализации ребенка в будущем. Индийский политолог и антрополог П. Чаттерджи (англ. *Chatterjee*) указывает на разные функции женщины и мужчины в процессе взаимодействия с колонизатором (Chatterjee, 1993), а Э. МакКлинток (англ. *McClintock*) отмечает, что именно отец несет ответственность за социальную концепцию семьи (McClintock, 1993).

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемый в статье материал может способствовать лучшему пониманию схожих (и универсальных) процессов, происходящих в современной мировой литературе. Кроме того, материалы исследования могут быть использованы в спецкурсах по истории зарубежной литературы и компаративистике, а также при создании учебников и учебных пособий по концепциям современной теории литературы.

Обсуждение и результаты

Фигура отца в психологии родительства, психоанализе и постколониальной теории

Ю. Зотова и М. Летучева (2019, с. 14) отмечают, что тема отцовства раскрыта в профессиональной психологической литературе, как отечественной, так и зарубежной, крайне скудно. Краткий экскурс в историю изучения феномена отцовства может выглядеть следующим образом.

З. Фрейд предложил структуру семьи, известную нам как Эдипов комплекс, в основе которого, с одной стороны, лежит желание ребенка избавиться от отца как от соперника за внимание матери, с другой – ограничение отцом наслаждения матери собственным ребенком. Смысл данного ограничения для ребенка скрывается в необходимости существовать самостоятельно без родителей во взрослом возрасте, то есть именно отец отвечает за способность ребенка сепарироваться и быть самостоятельным (Фрейд, 2012). К. Г. Юнг также обращает внимание на то, что именно отец отвечает за ориентацию ребенка во внешнем мире: так, «мать защищает ребенка от внешней жизни... уводит от реальности бытия. <...> Отец же раскрывает перед ребенком объективный внешний мир и, олицетворяя сферу авторитета и морали, напротив, создает защиту от субъективных душевных уклонов» (1997, с. 322). Э. Фромм указывает на разную природу материнской и отцовской любви: «...материнская любовь безусловна. <...> ...ее не нужно добиваться, ее не нужно заслуживать. <...> Отцовская любовь — это обусловленная любовь. <...> Функция матери – обеспечить ребенку безопасность в жизни, функция отца – учить его, руководить им, чтобы он смог справляться с проблемами, которые ставит перед ребенком то общество, в котором он родился» (2023, с. 71, 75, 77). Л. Зойя добавляет, что для ребенка очень важно, чтобы отец был успешным в обществе и показывал пример победителя, а доброта отступает на второй план. «Парадокс отца» заключается в том, что ребенок как бы просит: «Люби меня. Но с другими будь, прежде всего, сильным: даже если для этого понадобится насилие, даже ценой несправедливости» (Зойя, 2014, с. 8). Однако после того, как мировые войны стали связываться с отцовской (и в целом мужской) агрессивностью, неагрессивных отцов становится всё больше, и на первый план выходит фигура «кроткого» и даже «отсутствующего» отца, а функции отца и матери сближаются. Вместе с очевидными преимуществами обретения менее авторитарного отца ребенок теряет надежного проводника в мир взрослых, поэтому дети отдаляются от «кроткого» отца и отдают свое восхищение тому, кто может проявить силу и власть, при этом новый авторитет зачастую оказывает на личность ребенка пагубное и даже разрушительное влияние (Зойя, 2014, с. 7-8).

Что касается постколониальной ситуации, когда младшее поколение, находящееся между двух и более культур, начинает поиски своей идентичности, то матери в этом процессе отводится роль «культурного посредника»: именно она передает ребенку знания о родном языке и культуре исторической родины, что объясняется, как отмечает исследователь постколониальной культурной парадигмы, профессор антропологии П. Чаттерджи, исторически сложившейся установкой на то, что сохранение национальной культуры от воздействия колонизаторского дискурса является делом женщины (Chatterjee, 1993). При этом, как утверждает Э. МакКлинток, отцу отводится роль главы семьи, а мать и дети подчинены его власти, ведь отец несет на себе ответственность за социальную концепцию жизни семьи, то есть традиционно именно отец отвечает за связь семьи с внешним миром: «Женщины обычно рассматриваются как символические носители нации, но лишены какого-либо прямого отношения к национальной деятельности. <...> ...мужчины же взаимодействуют друг с другом и с национальным целым» (англ. *Women are typically construed as the symbolic bearers of the nation, but are denied any direct relation to national agency. <...> ...men are contiguous with each other and with the national whole* (McClintock, 1993, p. 62)). Данная установка объясняется тем, что, в то время как женщины оставались дома с детьми и передавали им знания о родной культуре, сохраняя ее таким образом для будущих поколений, мужчины были вынуждены так или иначе сотрудничать с «колониальным владыкой» в области политики и экономики, и от успехов отца в данном взаимодействии зависело не только материальное благополучие семьи, но и ее физическое выживание.

Обобщая всё вышесказанное, можно сказать, что отец отвечает за обучение ребенка взаимодействию с внешним миром, постановке и достижению целей, отсрочке удовольствия ради достижения желаемого, способности переживать успех, гордиться своими победами, а также не пасовать перед неудачами, вере в собственные силы и т. д. (Зотова, Летучева, 2019, с. 74). В ситуации, когда отец излишне критиковал ребенка, отсутствовал или был отстранен, психологи наблюдают, с одной стороны, чрезмерное стремление к достижениям, увлечениям,

однако успех не доставляет удовольствия, индивид испытывает постоянную неудовлетворенность достигнутым, с другой – у него может развиваться стойкий страх перед изменениями (Зотова, Летучева, 2019, с. 76). Среди проблем нарушенной вследствие неадекватного поведения отца идентичности можно назвать сложности в самореализации и социальном позиционировании, а также наследование сценария тяжелой судьбы отца (Зотова, Летучева, 2019, с. 71).

Что касается ситуации миграции, то в ней отцы изначально оказываются в более слабой позиции: своим выбором в пользу эмиграции и интеграции в иной культурной среде они лишают себя возможности проявить силу, переставая быть образцом и авторитетом для своих детей, что неизменно негативно влияет на реализацию в жизни последних. Чтобы подтвердить или опровергнуть данное утверждение, обратимся к текстам произведений Ю. Х. Кемири.

Образ отца в творчестве Ю. Х. Кемири

В статье мы проследим эволюцию образа отца в четырех романах Ю. Х. Кемири в период с 2003 г. по 2018 г., а также рассмотрим, как данная трансформация отразилась на самоидентичности протагонистов произведений автора.

Начнем с дебютного романа «На красном глазу» (2003 г.) (шв. *Ett öga rött*) (Хемири, 2007; Khemiri, 2016b). По мнению протагониста – подростка по имени Халим, его отец пошел путем «несопротивления» шведскому обществу, с которым сам он усиленно борется. Халим желает видеть отца сильным и даже властным, однако тот его надежд не оправдывает. Так, например, отец вкусно готовит, занимается домашними обязанностями, отмечает изменения в поведении сына, когда тот влюбляется, читает ему романтические стихи Омара Хайяма по этому поводу, сдерживается, когда не хочет вступать в прямую конфронтацию с Халимом (Хемири, 2007, с. 147; Khemiri, 2016b, s. 124-125). Более того, отец способен даже на слезы, например, когда с ним разрывает отношения его шведская подруга (Хемири, 2007, с. 176; Khemiri, 2016b, s. 197). Как мы видим, отец во многом принимает мягкую женскую модель поведения, возможно, пытаясь таким образом компенсировать мальчику отсутствие умершей матери (Моркина, 2016), которой тому очень не хватает. Однако Халиму недостает не в меньшей степени также и сильного отца.

Халим помнит его совсем другим, когда «папа переполняется хаосом» (Хемири, 2007, с. 112) (шв. *pappa fylls med kaos* (Khemiri, 2016b, s. 42)), «как папа бешено кричит» (Хемири, 2007, с. 112) (шв. *pappa vrålar ilska* (Khemiri, 2016b, s. 42)) и как «папа говорит самые арабские ругательства» (Хемири, 2007, с. 113) (шв. *pappa som säger dom allra fulaste orden på arabiska* (Khemiri, 2016b, s. 42)). Он помнит, как папа был политически активным и принимал участие в митингах (Хемири, 2007, с. 117; Khemiri, 2016b, s. 51-52). Отец даже физически был другим: у него были, «наверное, самые сильные руки в мире» (Хемири, 2007, с. 117) (шв. *pappa som har kanske världes mäktigaste händer* (Khemiri, 2016b, s. 52)). Сейчас же отец как бы сжимается, становится меньше: «Сначала он поднялся на цыпки, чтобы дотянуться до новой бутылки с оливковым маслом, а потом, чтобы прочитать этикетку, вздел очки на лоб. <...> ...майка повисла у него на плечах, и зеленые треники тоже» (Хемири, 2007, с. 116) (шв. *stod vid köksbänken, först på tå för att nå ny flaska olivolja och sen upp med glasögonen i pannan för att läsa något på flasketiketten. <...> ...t-shirten hängde veckad över axlar och gröna mjukisbyxorna med muddar* (Khemiri, 2016b, s. 51)).

Особенно Халиму причиняет боль то, как отец ведет себя по отношению ко шведскому обществу, которое сам подросток считает источником зла и всех бед: отец заискивает перед покупателями (Хемири, 2007, с. 135; Khemiri, 2016b, s. 96) и никак не поддерживает желание сына быть арабом. По мнению Халима, отец добровольно подвергается каждодневным унижениям, поэтому и сам подросток не может его по-настоящему уважать. Связь между Халимом и отцом слабеет с каждым днем, так как мальчик не желает принимать тот факт, что он может быть сыном слабого и униженного мужчины.

Одна из немногих ситуаций, заставляющая Халима гордиться отцом, – это когда тот торгуется на барахолке и проявляет себя, по мнению Халима, как истинный араб. Дело в том, что в противопоставление заискивающему тону, которым отец разговаривает со шведами, на рынке «голос его подобен самой твердой гранитной скале и реальному авторитету» (Хемири, 2007, с. 135) (шв. *hårdaste granitberg och fetaste pondus* (Khemiri, 2016b, s. 96)), и сын наконец может почувствовать отцовскую силу, которую так стремится обрести.

Не имея перед собой успешного в шведском обществе отца, теряя уважение к нему из-за его унижительного положения, неспособности и нежелания дать отпор, Халим утрачивает и ориентир того, как ему следует выстраивать свою собственную линию поведения, и оказывается среди вандалов и аутсайдеров школы. Только пойдя на взаимный компромисс, отцу и сыну удается достичь взаимопонимания в конце романа. Халим признает, что главный ключ к жизни – это терпение и не все проблемы нужно решать силой, а иногда можно, как он говорит, «переключиться на шведопяцкий тон» (Хемири, 2007, с. 189) (шв. *jag puttade in lite svenneton* (Khemiri, 2016b, s. 229)). Отец, в свою очередь, признает желание своего сына оставаться арабом и устанавливает спутниковую тарелку, с помощью которой они могут смотреть множество арабских каналов со всего света. Роман заканчивается словами Халима: «...все-таки иногда сразу заметно, что он мой папа. <...> (я) чувствовал гордость, потому что знал, что нас никто никогда не победит» (Хемири, 2007, с. 199) (шв. *...ibland det märks han är just min pappa. <...> kände stolthet för jag vet ingen någonsin kommer kunna knäcka oss* (Khemiri, 2016b, s. 252)).

«На красном глазу» – единственный на сегодняшний день роман Кемири, в котором отцу и сыну удается прийти к некоему взаимопониманию и в котором отец, несмотря на свою мягкость и подчиненное положение, остается с сыном до конца.

Второй роман Кемири «Монтекор: уникальный тигр» (2006 г.) (шв. *Montecore: en unik tiger*) (Khemiri, 2011) в некотором роде продолжает освещение проблем, поднятых в дебютном романе, таких, например, как сложности выбора культурной идентичности, а также шведский и мигрантский этноцентризм. Образ отца, впервые появляющийся в этом произведении, будет продолжен в последующих романах Кемири.

Роман начинается с того, что Юнас Кемири, только что написавший свой дебютный роман, получает письмо от якобы друга своего отца – Кадира, который хвалит его писательский талант и предлагает написать биографию отца Юнаса: о том, как сирота из Туниса стал известным фотографом, борющимся за справедливость во всем мире. Они начинают обмениваться письмами, в которых пытаются объединить свои воспоминания об отце и друге. Примечательно, что Аббас (так зовут отца Юнаса) сам рос сиротой: мать сказала ему, что его отец был алжирцем и выступал на стороне французов, уехав затем во Францию, а растить его помогал сосед Рашид. После убийства матери за ее политические взгляды мальчик попал в приют. Стоит отметить, что особых планов, чем заниматься, Аббас не имел, как не имел рядом образца сильного успешного отца, способного дать пример для подражания, что позже найдет отражение в тех сложностях в профессиональной реализации, с которыми он столкнется. Будучи уверенным в симпатиях своего отца ко всему французскому, Аббас с юности придерживался космополитических взглядов (Khemiri, 2011, s. 33-34). Встретив шведскую стюардессу Перниллу и влюбившись в нее, Аббас уехал в Швецию, где они создали семью и родили троих детей – старшего Юнаса и затем еще двоих близнецов. Аббас был счастлив в личной жизни, однако его карьера не складывалась. Работая машинистом пригородной электрички, он не оставлял попыток стать фотографом, но его работы оставались незамеченными. В особенно удручающий период Аббас поделился с Кадиром тем, что помимо неудач в профессиональной реализации ему причиняло боль отсутствие в его жизни отца: «...твой отец поделился воспоминаниями о своем отце и чувством потерянности, которое испытывал из-за того, что его бросили. <...> “Как может появляться пустота, если то, по чему я скучаю, никогда со мной не происходило? Как может пустота болеть?”» (шв. *...partagerade din far sina minnen av sin far och vilshenhet som han kände av att ha blivit övergiven. <...> “Hur kan en hållighet uppstå trots att det jag saknar aldrig har upplevts mig?”*) (Khemiri, 2011, s. 191)). Подсознательно Аббас понимает, что неудачи в реализации собственных талантов связаны с отсутствием в его жизни отца, способного дать пример стратегии поведения, ведущей к успеху. Даже когда Аббасу удалось открыть собственное фотоателье, дела стояли на месте: как только шведы слышали его акцент и видели его имя, они отказывались с ним работать. Однако со временем он сумел найти способ решения этой проблемы: добавил шведское имя – Кристер Хольмстрём Аббас Кемири (шв. *Krister Holmström Abbas Khemiri*) – на вывеске ателье и стал специализироваться на фотографировании животных (Khemiri, 2011, s. 227). Аббас символически отказался от части себя и своей арабской идентичности, добавив на вывеске ателье шведское имя. Интересно, что имя было выбрано неслучайно: он решил воспользоваться именем другого, уже известного фотографа, то есть за неимением собственной перенял чужую стратегию успешного поведения. Дела действительно пошли в гору. Однако чем больше Аббас работал, тем больше денег зарабатывал, тем меньше времени он проводил с семьей и тем всё более несчастным становился: чужая стратегия успеха оказалась неподходящей для него. Фотография животных никогда не доставляла ему радости, он занимался ей только ради того, чтобы обеспечить свою семью и дать возможность сыновьям жить жизнью обычных шведских подростков. Однако недовольство отца своей жизнью и профессией не могло ускользнуть от внимательных глаз старшего сына, и мальчик молча переживал все неудачи отца вместе с ним. Чем меньше отец проводил времени со старшим сыном, тем больше тот отдалялся и общался с другими подростками-мигрантами, чем горько разочаровывал отца, так как его принципом жизни и главным приоритетом после переезда в Швецию стало ни в коем случае не позволить отчуждению завладеть его детьми (Khemiri, 2011, s. 164), а общение с другими мигрантами, по его мнению, только способствовало укоренению в сыне осознания того, что он другой, не швед. Позднее, испытав на себе предвзятое отношение и не найдя в лице отца поддержки, Юнас стал активно бороться со шведскими нацистскими движениями, в существование которых отец не верил. Однако убийства мигрантов 1991-1992 гг. не только заставили Аббаса в очередной раз сомневаться в том, правильно ли он поступил, выбрав Швецию в качестве родной страны для себя и своих детей, но и не на шутку опасаться за свою жизнь. Последней каплей стал поджог нацистской группировкой его студии, после чего Аббас покинул Швецию, прекратив с семьей все отношения, считая, что они его не понимают.

Также интересен тот факт, что Юнас и его друзья-мигранты, чьи отцы влачат в Швеции жалкое существование, рассказывают друг другу выдуманные истории о том, какими успешными те были в родных странах. Кроме того, если отпускать скабрзные шутки о чужой матери представляется им чем-то обыденным и вызывает только смех, то совершенно невинное упоминание о нереализованности отца в Швеции может привести к драке даже между лучшими друзьями (Khemiri, 2011, s. 275). Сам нарратор объясняет это тем, что, вероятно, «положение отцов было слишком шатким, чтобы проверять его на прочность» (шв. *Kanske för att pappors positioner var alltför bräckliga för att testas*) (Khemiri, 2011, s. 277)), что еще раз доказывает необходимость присутствия сильного отца в жизни подростка и желание его обрести. При этом успех отца Юнас измеряет не в количестве денег, которые тот может заработать, а в проявлении им силы, верности и мужественности (Khemiri, 2011, s. 328).

Нельзя сказать, что Юнас представляется в данном романе слабым и не способным добиться успеха человеком, ведь ему удалось стать известным писателем благодаря своим усилиям и таланту. Более того, тяга к сочинительству передавалась ему именно от отца (Khemiri, 2011, s. 51). Однако в романе несколько раз подчеркивается, что он долго был потеряннным ребенком, не мог отличить реальность от фантазии, а в подростковом

возрасте увлекся вандализмом, оправдываемым борьбой с нацистскими группировками. В отсутствие отца, способного направить и поддержать, а в некоторых случаях и продавить волю сына, протагонист ищет всё это за пределами семьи, что ведет не к самым позитивным последствиям. Сам отец представляется мятущимся, не способным правильно заявить о себе миру, со смещенными моральными ориентирами, на что, очевидно, повлияло отсутствие и в его жизни отца, вследствие чего он сам не смог сопротивляться трудностям.

В романе «Всё, чего я не помню» (2015 г.) (шв. *Allt jag inte minns*) (Khemiri, 2016a) протагонист по имени Самюэль представляется человеком, страстно жаждущим новых впечатлений, ищущим и сомневающимся. Отец Самюэля как персонаж отсутствует вовсе. Нами было насчитано 15 упоминаний отца, открывающих читателю причины неустойчивого положения главного героя в мире. Отец был родом из Туниса, женился на шведской девушке – матери Самюэля, однако, когда мальчику было 9 лет, родители развелись, отец исчез из жизни детей, впал в депрессию, прекратил с ними любые контакты (Khemiri, 2016a, s. 39), и Самюэль перестал называть его отцом (Khemiri, 2016a, s. 43). При этом Самюэль обнаруживает в старых отцовских вещах газету, датированную днем, когда он родился, бирку из роддома, первые срезанные волосы и ногти, что говорит о том, что отец изначально трепетно относился к своим детям (Khemiri, 2016a, s. 152). Однако со временем – и здесь описанные причины развода удивительно похожи на те, что были упомянуты в романе «Монтекор: уникальный тигр», – Швеция начала меняться, отец постоянно переживал, что его могут уволить (профессию отца Самюэль ни разу не упоминал), впал в депрессию, и жена решила с ним развестись (Khemiri, 2016a, s. 171).

Также стоит обратить внимание на то, что в данном романе, как и во всех остальных, отец выступает своего рода «разрушителем» культурной идентичности. Так, Самюэль завидует тем, кто может хорошо говорить по-арабски, так как отец больше заботился о том, чтобы сын усвоил французский язык, видимо, считая его языком менее политизированным (Khemiri, 2016a, s. 200). Отец дал сыну привычное для Швеции имя Самюэль (Khemiri, 2016a, s. 63), чтобы тот не подвергался дискриминации со стороны будущих работодателей, как произошло с ним самим (как и отец протагониста в романе «Монтекор: уникальный тигр», назвавший сына шведским именем Юнас, а не арабским Юнес (Khemiri, 2011, s. 99)). Отец был самым нерелигиозным мусульманином из всех людей, кого Самюэль знал (Khemiri, 2016a, s. 301) (как и отец в романе «Монтекор: уникальный тигр», который не гнушался съемками порнографии с участием арабских женщин (Khemiri, 2011, s. 342-346), и отец из романа «На красном глазу», который пьет алкоголь (Хемири, 2007, с. 105; Khemiri, 2016b, s. 24)). Однако в данном романе впервые главный герой не испытывает мук выбора культурной принадлежности и не ведет борьбы за право быть арабом. Ему вообще не хватает сил на какую бы то ни было борьбу, даже если это борьба за свои идеалы. Он жаждет изучать политологию и работать в ООН, чтобы изменить мир, однако в университете он равнодушно «сдавал экзамены и посещал обязательные семинары, а в свободное время всё больше, как на повторе, говорил о быстротечности жизни и о том, как важно попробовать всё, чтобы не умереть несчастным» (шв. *Han skrev sina tentor och var på de obligatoriska seminarierna, men på fritiden snackade han på repeat om livets korthet och att man måste fylla på med nya erfarenheter för att inte dö olycklig*) (Khemiri, 2016a, s. 56)). В итоге после окончания университета он с трудом устроился в миграционную службу и выполнял свою работу без особого энтузиазма. Он быстро теряет интерес к своим новым впечатлениям и совершенно не уверен в том, чем он занимается.

Несмотря на то, что отец почти не упоминается в тексте, мы понимаем, что он много значит для Самюэля. Так, он очень редко говорит об отце, и если уж он начинает о нем разговор, то с людьми, которых считает очень близкими (Khemiri, 2016a, s. 131). Кроме того, как и протагонисты двух предыдущих романов, он не может позволить, чтобы кто-то говорил о его отце плохо и несправедливо. Он мог сам говорить сколько угодно неприятных вещей о своем отце, однако, когда его бабушка, страдающая деменцией, произносит: «Вот что случается, когда выходишь замуж за мусульманина» (шв. *...så går det när man gifter sig med muslimer*) (Khemiri, 2016a, s. 301)), Самюэль не может промолчать, ведь причиной всех бед семьи было далеко не вероисповедание отца.

Интересно отметить, что, как и отец, бросивший сначала всё, чтобы переехать в Швецию и создать семью, легко оставивший ее, когда почувствовал усталость, Самюэль не может сопротивляться жизненным трудностям и ищет способы побега от реальности, остается вечным подростком, не способным брать на себя ответственность, то есть повторяет жизненный сценарий отца. В его случае это заканчивается трагично: разогнав автомобиль, чтобы почувствовать скорость и на какое-то время забыть о своих проблемах, он гибнет, врезавшись в дерево.

Судьбы протагонистов романа «Отцовский договор» (2018 г.) (шв. *Pappaklausulen*) (Khemiri, 2018), которым даже не даны имена, оказываются удивительно схожи с судьбой Самюэля и его отца из романа «Всё, чего я не помню». Сюжет строится вокруг очередного приезда в Швецию отца главного героя, во время которого сын хочет сообщить ему, что больше не будет заниматься его делами и не позволит жить в своем офисе. Однако сделать это оказывается не так просто. Отношения между отцом и сыном крайне сложные. Отец присутствовал в жизни мальчика до определенного времени и даже был хорошим отцом, но после развода исчез и появлялся раз в несколько лет. Примечательно, что до этого во Франции у него была другая семья и дочь, однако отец их оставил, а дочь впоследствии умерла. После того, как он покинул и вторую семью, так как устал от быта и заботы о детях (удивительно похоже на отца Самюэля), он связывался с сыном только для того, чтобы тот помог ему с оформлением каких-либо документов, переводом денег или покупкой билетов. Сын раз за разом выполнял всё без лишних вопросов, надеясь заслужить признание и уважение отца (Khemiri, 2018, s. 168-178). Однако этого не происходит. Отец идет по жизни с ощущением того, что все ему должны и в его неуспехе виноваты все, начиная от жены и заканчивая случайными прохожими на улице (Khemiri, 2018, s. 161-162). О сыне он невысокого мнения: «Ты никогда не станешь взрослым. Тот, кто меняет пеленки и живет на деньги

жены, ребенок» (шв. *Du kommer aldrig att bli vuxen. Den som byter blöjor och lever på sin frus pengar är ett barn* (Khemiri, 2018, s. 187)). Сын вырос неуверенным в себе, тщетно пытающимся найти свое место в жизни. Так, например, он выучился на экономиста, при этом своей профессией не интересуется и работает против своей воли (шв. *motvillig ekonom* (Khemiri, 2018, s. 105)). Он никогда ни в чем не уверен, и чтобы принять хоть какое-то решение, например купить автомобиль, ему требуется большое количество времени, которое он тратит на изучение всевозможных характеристик и отзывов, но так и не может найти ничего подходящего, так как постоянно всплывают новые детали, на которые он не может не обратить внимания, однако проблема заключается в том, что он сам себе не доверяет (Khemiri, 2018, s. 267-271). Его увлечения меняются очень быстро, и ни одно из них он не доводит до конца, чем очень напоминает Самюэля из романа «Всё, чего я не помню». Одно из его новых увлечений – стендап. Ему страстно хочется выступить на сцене, но на самом деле единственный человек, внимание которого он хочет привлечь, – это его отец, который на выступление так и не приходит (Khemiri, 2018, s. 281) и, более того, высмеивает его желание: «Ты будешь клоуном? У тебя будет красный нос?» (шв. *Ska du bli clown? <...> Ska du ha röd näsa?* (Khemiri, 2018, s. 257)). Сын живет с девушкой, с которой у него двое детей, при этом основной доход семьи составляет ее зарплата. На момент событий романа он находится в отпуске по уходу за младшим ребенком. Вся его жизнь состоит из обеспечения комфорта и безопасности детей. Много страниц романа посвящены подробнейшему описанию его будней. Всё, о чем ему хочется говорить, – это то, как он заботится о семье. Для него крайне важно, чтобы окружающие, даже совершенно незнакомые люди в метро, думали, что он хороший папа (Khemiri, 2018, s. 144). При этом усталость в нем выходит на новый уровень, и после неудачного выступления на сцене, когда он не мог сказать ни слова, он повторяет то, что много лет назад сделал его отец, – оставляет семью. Он садится в машину и, повинаясь внутреннему желанию, сворачивает не в сторону дома, а на дорогу, ведущую из Стокгольма. Правда, на другой день он всё же возвращается домой. Свой поступок он объясняет отцу так: «Вчера я попытался сбежать. Но не смог. Я хотел обратно. Мне нужны мои дети. Ты многое испортил, но я всё равно не настолько сломлен, чтобы оставить свою семью» (шв. *Jag försökte sticka igår. Men jag kunde inte. Jag längtade tillbaka. Jag behövde mina barn. Du har förstört mycket. Men jag är i alla fall inte så sönder att jag kunde lämna min familj* (Khemiri, 2018, s. 361)). Можно предположить, что протагонисту всё же удастся хотя бы в чем-то «переломить» сценарий жизни своего отца и пойти своей дорогой.

Заключение

В результате исследования мы пришли к следующим выводам.

Основатели психоанализа, современные психологи и исследователи постколониальной культурной парадигмы сходятся во мнении о том, что именно отец отвечает за социальную концепцию семьи: от его проявлений силы и реализации в профессиональной сфере во многом зависит стратегия поведения подрастающего поколения. При благоприятных обстоятельствах отец помогает ребенку познавать мир, расширять и отстаивать собственные границы, учит справляться с трудностями и открывать собственные интересы и возможности. В ситуации отсутствия отца или отцовской отчужденности и нереализованности дети нередко испытывают чувство потерянности, быстро теряют интерес ко всему новому, не способны определиться с целями, склонны к деструктивному поведению и т. д.

Общим для отцов в творчестве Ю. Х. Кемири является то, что все они выступают в некотором роде «разрушителями» культурной идентичности. Они всячески препятствуют сыновьям в освоении теми их второй культурной «части»: не приветствуют изучение арабского языка и сами не следуют заветам ислама. Все они также против политики, предостерегают детей от вступления в какие-либо организации и ведения борьбы за права мигрантов, так как для них самих, для их друзей или родителей подобные увлечения заканчивались весьма плачевно. Вместо того, чтобы выполнять главную отцовскую функцию – побуждать детей к расширению интересов, познанию нового и вхождению во внешний мир, отцы в творчестве Кемири ограничивают своих сыновей в этом, вследствие чего те вырастают неуверенными в своих силах, не доверяющими себе. Все отцы в романах Кемири не могут добиться успеха в профессиональной деятельности, не могут реализовать свои знания и таланты, а сыновья повторяют неудачный отцовский сценарий. Почти все из отцов Кемири (кроме отца из романа «На красном глазу») не способны нести ответственность за свои семьи и покидают их; сыновья впоследствии также с трудом справляются с ответственностью. Протагонисты первых двух романов «На красном глазу» и «Монтекор: уникальный тигр» борются за свое право быть арабами в шведском обществе и ведут борьбу с ним, вопрос культурной принадлежности и идентичности является одним из главных для данных романов. В двух последних на сегодняшний день романах Кемири тема культурной принадлежности почти не поднимается: воспитанные матерями-шведками в отсутствие отца, главные герои не задаются вопросом, носителями какой культуры они являются. Одновременно с этим тема отцовства и необходимости сильного, верного, успешного и мужественного отца для гармоничного развития личности индивида получает всё большее развитие в творчестве писателя.

Перспективы дальнейшего развития исследования видятся нам в изучении других произведений современных шведских авторов иностранного происхождения с целью выявить взаимосвязь между различными проявлениями отцовства и формированием самоидентичности протагонистов.

Источники | References

1. Зойя Л. Отец: исторический, психологический и культурный анализ. М.: Класс, 2014.
2. Зотова Ю., Летучева М. Всё дело в папе. Работа с фигурой отца в психологическом консультировании. М.: Класс, 2019.
3. Моркина М. А. Образы мигрантов в современной шведской литературе в свете теории постколониализма // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2 «Искусствоведение. Филологические науки». 2017. № 1.
4. Моркина М. А. Проблема культурной идентичности в романе Юнаса Хассена Хемири «На красном глазу» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9 «Филология. Востоковедение. Журналистика». 2016. № 2.
5. Фрейд З. Тотем и табу. М.: Азбука, 2012.
6. Фромм Э. Искусство любить. М.: АСТ, 2023.
7. Юнг К. Г. Алхимия снов. Четыре архетипа. СПб.: Тимошка, 1997.
8. Chatterjee P. The Nation and Its Fragments: Colonial and Postcolonial Histories. Princeton: Princeton University Press, 1993.
9. Gandhi L. Postcolonial Theory: A Critical Introduction. N. Y.: Columbia University Press, 1998.
10. McClintock A. Family Feuds: Gender, Nationalism and the Family // Nationalisms and National Identities. 1993. No. 44.
11. Nayar P. K. Postcolonialism: A Guide for the Perplexed. L.: Bloomsbury Continuum, 2010.
12. O'Reilly Ch. Post-Colonial Literature. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Информация об авторах | Author information**Моркина Марта Александровна¹**¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ)**Morkina Marta Aleksandrovna¹**¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU)¹ marta.morkina@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 08.07.2023; опубликовано online (published online): 06.09.2023.

Ключевые слова (keywords): шведская литература; Ю. Х. Хемири; фигура отца; отцовская депривация; постколониальные исследования; Swedish literature; J. H. Khemiri; father figure; paternal deprivation; postcolonial research.